

(председатель М. И. Куличенко) — уделила большое внимание экономическим основам развития и функционирования наций и народностей СССР. В докладах, прочитанных на этой секции, рассматривались социальные и политические аспекты развития и сближения наций.

Вторая секция — «Национальное и интернациональное в развитии советской культуры» (председатель Ю. В. Арутюнян) — обсудила особенности современного этапа развития и взаимодействия культур в нашей стране, в том числе вопросы нравственного и политического воспитания, проблемы межнациональных отношений в сфере культуры и быта, соотношения национального и интернационального в литературе и искусстве народов СССР.

На заседаниях третьей секции — «Национальный вопрос в современном мире и идеологическая борьба» (председатель Ф. Т. Константинов) — рассматривались вопросы, связанные с обострением идеологических противоречий между социализмом и капитализмом. Отмечалось растущее взаимодействие стран социализма, а также освещались пути решения национальных проблем в развивающихся странах. Докладчики критиковали буржуазные теории национальных отношений, раскрывали преимущества политики пролетарского, социалистического интернационализма.

Доклады, прочитанные на заседаниях четвертой секции — «Национальное и интернациональное в советской историографии» (председатель В. П. Шерстобитов), — показали, что в ряде союзных и автономных республик еще недостаточно изучены многие важные аспекты развития и сближения наций, особенно в период развитого социализма.

Подводя итоги конференции, Ю. В. Бромлей отметил глобальные масштабы проблем, обсуждавшихся на ней: национальное развитие и национальные проблемы в рамках нашей страны, в странах социалистического содружества, в развивающихся странах и в странах капитализма. Он подчеркнул междисциплинарный характер конференции, предоставленную ею возможность обмена информацией, установления контактов между учеными. Конференция показала необходимость усиления внимания к методологическим и терминологическим проблемам (например, до сих пор четко не определены соотношения таких понятий, как «национальные» и «этнические» процессы), а также глубокого изучения внутренней структуры новой исторической общности — советского народа, ее роли в развитии национального и интернационального.

Для того, чтобы полнее раскрыть внутренний механизм национальных процессов в нашей стране, необходимо их комплексное изучение, в частности, расширение этно-психологических и конкретно-социологических исследований.

В целом конференция имела большое теоретическое и общественно-политическое значение. Она явилась шагом вперед в деле изучения национального и интернационального в современном мире. На ней были подведены некоторые итоги изучения этой проблематики, намечены основные направления дальнейших исследований. Конференция показала эффективность комплексного подхода к разработке национальных проблем и вместе с тем необходимость усиления координации в их изучении.

В. К. Малькова

«ЖИЗНЬ ДЕТЕЙ В СТАРОЙ ВЕНГЕРСКОЙ ДЕРЕВНЕ» (выставка в Этнографическом музее Будапешта)

Во время кратковременного пребывания в Венгрии в сентябре 1979 г. я познакомилась с интересной выставкой, которой Этнографический музей Будапешта отметил Международный год ребенка. Представленные на ней материалы, относившиеся главным образом к концу XIX — первой четверти XX в., ярко характеризовали условия жизни детей в старой венгерской деревне. Выставка была подготовлена сотрудницей

Рис. 1. Крестьянская семья (дер. Шиофок, 1894 г.). Фото Яноша Янка. Эта и остальные фотографии присланы Эржебет Георги-Фэлдеш. Оригиналы фотографий хранятся в фондах Будапештского этнографического музея

музея, этнографом Эржебет Георги-Фэлдеш, большим знатоком быта венгерского крестьянства. Ею же написан содержательный иллюстрированный каталог¹.

Эта выставка — первая в истории Будапештского этнографического музея, специально посвященная детям². Для нее характерен комплексный метод подачи материала: фотографии и другие плоскостные элементы (тексты, статистические данные, этикетки с конкретными сведениями о каждом предмете) не просто иллюстрировали вещи из музейных коллекций, а органически сочетаясь с ними, углубляли и развивали тему. В результате умелого применения такого метода автору выставки удалось развернуть перед посетителем цельную картину жизни крестьянского ребенка со дня его появления на свет и до юности.

Хочется отметить очень вдумчивый подход автора к подбору фотографий. Она сумела из множества имеющихся в фондах снимков отобрать только те, которые отражали реальную ситуацию, а не инсценировку того или иного сюжета специально для этнографической съемки. Еще одним критерием при отборе снимков, как сказала мне Э. Георги-Фэлдеш, была их художественная выразительность. Она стремилась к тому, чтобы познавательный материал, получив должное эстетическое оформление, оказывал и эмоциональное воздействие. Такой подход диктовался спецификой темы выставки и актуальностью ее задач. Выставка хотя и отражала быт прошлого, но была обращена к современности: следовало добиться, во-первых, чтобы каждый посетитель (будь это человек старшего поколения, чье детство здесь представлено, или среднего и младшего) остро почувствовал, как изменились условия жизни детей за годы социа-

¹ «Gyermekélet a régi magyar faluban. Kiállítás a Néprajzi Muzeumban. 1979. (Junius — december)». Budapest, 1979, 34 p.

² В советской этнографии вопросу воспитания детей у отдельных народов уделяется большое внимание, но в музейной практике к нему как к самостоятельной теме обращаются чрезвычайно редко. Так, в Музее антропологии и этнографии АН СССР (далее — МАЭ) за все время его существования на эту тему была организована всего одна выставка — «Жизнь ребенка в свете этнографии» (1929 г.). См. Т. В. Станюкович. Этнографическая наука и музеи. Л., 1978, с. 192.

листического строительства в Венгрии. («Ведь мы нередко в повседневной жизни забываем об этом», — справедливо заметила автор в беседе со мной); во-вторых, чтобы молодежи, познакомившись с детством своих дедов, бабок, отцов и матерей, лучше понимала их. Таким образом, одна из задач выставки — способствовать лучшему взаимопониманию людей разных поколений.

Выставка размещалась в трех залах. Первый был посвящен детям младенческого возраста. Здесь посетитель знакомился с предметами и приемами ухода за маленьким ребенком: кушаньем младенца, его одеждой, различными способами пеленания, разнообразными колыбелями, игрушками и, наконец, некоторыми обрядами.

Экспонаты первого зала свидетельствовали об имущественной неоднородности венгерского крестьянства в прошлом. Среди колыбелей, например, наряду с многочисленными самодельными (в виде деревянного долбленого корытца или низенькой качалки) были очень нарядные расписные качалки-кроватки, изготовленные, как правило, по специальному заказу. Различались по качеству — от тонкой фарфоровой до простой гончарной — и многочисленные наборы ритуальной посуды, в которой крестная мать новорожденного (обычно подруга роженицы) приносила молодой матери специально для нее приготовленный традиционный строго определенный набор кушаний. Впоследствии эта народная посуда, возвышавшаяся стопкой на комод, становилась одним из основных украшений крестьянского жилища.

Фотографии у витрины с колыбелями показывают, как матери несли своих младенцев, когда шли на работу в поле, как там их укладывали спать. Так, на одном из снимков молодая крестьянка направляется в поле, неся на голове низенькую деревянную колыбель-качалку с ребенком. Чтобы завернутый в одеяло ребенок не выпал из колыбели-качалки, его пришнуровывали к ней³.

Младенец пришнуровывался и к колыбели в виде деревянного долбленого корытца. Для этого в отверстия, проделанные в боковых стенках колыбели, пропускалась веревочка, а сквозь петли, образованные ею, пропускался шнур.

Для нас небезынтересно, что этот тип колыбели, являющийся, по мнению Э. Георги-Фэлдеш, наиболее старым, в конце XIX — начале XX в. находился уже на стадии пережитка; ее использовали лишь для новорожденного и для ношения ребенка в пути (на одной из фотографий запечатлена крестьянка, кормящая грудью в пути ребенка, не вынимая его из колыбели-корытца), а в повседневном употреблении она была лишь в бедных семьях. Может быть, это древняя форма колыбели, бытовавшая когда-то у предков венгров и сохранившаяся до наших дней? Нельзя, однако, не отметить, что колыбель в виде долбленого корытца бытовала, видимо, не только у венгров, но ареал ее все же был довольно узок — он охватывал лишь Карпатский бассейн, включая его окраины⁴, т. е. территорию расселения венгров и их ближайших соседей.

Как известно, при сравнительном изучении элементов культуры с целью разработки вопросов этногенеза и этнокультурных связей принципиальное значение имеет выявление таких деталей предмета или явления, которые могут служить этническими определителями⁵. Думается, что в данном случае принципиальное значение имеет сочетание корытообразной формы со способом шнуровки. Разумеется, совершенно

³ Напомним, что колыбель со шнуровкой считается характерной для народов, ведущих подвижный образ жизни. Такая колыбель бытовала, например, у хантов: это берестяная ночная колыбель (у них была и дневная), по конструкции и форме очень напоминающая венгерскую колыбель в виде долбленого корытца (см. В. М. Кулемзин, Н. В. Лукина. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX — начале XX в. Этнографические очерки. Томск, 1977, с. 108, 109, табл. XIV, 1). В. М. Кулемзин и Н. В. Лукина указывают, что колыбель хантов имеет форму прямоугольной плоской коробки (там же, с. 108). Однако в связи с тем, что стенки ее по верхнему краю скреплялись черемуховыми обручами, прямоугольным было лишь дно, а у стенок к верхнему краю углы закруглялись, и коробка принимала овальный вид, приближаясь по форме к колыбели венгров, у которой углубление для укладывания ребенка было овальным. В отличие от венгерской колыбели хантская имела над изголовьем тонкую черемуховую дугу, на которую накидывали платок.

⁴ К. K-Csillery. Typen der Kinderwiege in Europa. — «Ethnologia Europea», v. VIII. Göttingen, 1975, S. 127.

⁵ Плодотворность такого метода несомненна. См., например, Г. М. Василевич. Тунгусская колыбель (в связи с проблемой этногенеза тунгусо-маньчжуров). — «Сборник МАЭ», т. XIX. М. — Л., 1960, с. 5—28.

Рис. 2. Ребенок в «стоялке» (с. Шноагард, 1929 г.). Фото Шандора Генси

не исключено конвергентное возникновение простейших корытообразных и коробкообразных форм колыбелей⁶. Конечно же, вопрос о возможной генетической связи венгерской колыбели в виде корытца со шнуровкой с ночной берестяной колыбелью хантов нельзя решать мимоходом, без проведения специальных исследований.

После второй мировой войны колыбель-корытце, как полагает Э. Георги-Фэлдеш, окончательно уступила место стоячей качалке различных форм.

Большая открытая витрина была отведена для маленьких детей. На выставке демонстрировалось множество «стоялок» — небольших массивных (для большей устойчивости) скамеек с отверстием посередине. Ребенка помещали в это отверстие, и он мог свободно стоять, прыгать. Мать, зная, что ребенок не может упасть или уползти, управлялась в это время по дому. Когда ребенок подрастал и пытался делать первые шаги, скамейку заменяли своего рода «ходулькой» — деревянной рамой на трех колесиках той же формы, что широко бытует у равнинного оседлого населения Средней Азии⁷ и у уйгур Синьцзяна⁸. На выставке был представлен и другой вид приспособления для обучения маленьких детей ходьбе — табуреточка высотой по грудь ребенку с колесиками на ножках и с отверстием посередине сиденья, т. е. той же формы, что была наиболее распространенной у русских и белорусов⁹.

⁶ Эволюция разнообразных типов колыбелей народов Европы прослежена в интересном исследовании венгерского этнографа Клары Чиллери (см. *К. К-Csillery*. Указ. раб.).

⁷ *Е. А. Покровский*. Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно России.— «Известия О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском ун-те», т. XLV, вып. 3, М., 1884, с. 247; *С. М. Абрамзон*. Рождение и детство киргизского ребенка.— «Сборник МАЭ», т. XII. М.—Л., 1949, с. 130.

⁸ Наблюдения автора в г. Кульдже в 1920-е годы и сведения, полученные в 1979 г. от выходцев из Синьцзяна.

⁹ *Е. Э. Бломквист*. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов.— «Востоочнославянский этнографический сборник» («Тр. Ин-та этнографии АН СССР», т. 31). М., 1956, с. 434—436; *Т. В. Станюкович*. Внутренняя планировка, отделка и меблировка русского крестьянского жилища.— «Русские. Историко-этнографический атлас. Из истории русского народного жилища и костюма». М., 1970, с. 73, 74.

Среди игрушек для самых маленьких привлекали внимание деревянные наборные погремушки того же типа, которые в северных губерниях России назывались шаркунами¹⁰.

Экспозиция о младенческом цикле в жизни ребенка завершалась показом различных средств и способов лечения детей от заболеваний. В старой венгерской деревне наряду с рациональными средствами лечения, основанными на народной медицине, еще продолжали применяться различные магические приемы, связанные с древними верованиями и представлениями. В этом разделе экспонаты и фотографии дополнялись выразительными статистическими данными последней четверти XIX — первой четверти XX в. о высокой смертности среди детей до пятилетнего возраста, о распространенности различных эпидемических заболеваний.

Второй зал был отведен материалам о детях дошкольного и младшего школьного возраста. Интересен замысел автора показать, как проходит повседневная жизнь крестьянских детей в семье и обществе. Естественно, что здесь много места было отведено игрушке и играм, ибо, как известно, через них ребенок познает окружающий мир и проявляет себя в нем. Игрушки разнообразны — они воспроизводят все предметы крестьянского быта и орудия труда. Почти все они самодельные, любовно изготовленные взрослыми или самими детьми. Тут и мячи из коровьей шерсти¹¹ и из конопляных шнурков¹², и длиннорогие быки из деревянного брусочка и прутьев, и телеги (среди них встречались точные модели настоящей телеги) и, конечно же, куклы (тут и тряпичные, в нарядных платьях и ажурных фартучках, и из кукурузного початка, и, наконец, тряпичная с фарфоровой головкой, вся в кружевах), и кукольная мебель, и многое другое. Выставка давала представление и о том, в какие игрушки преимущественно играли мальчики, в какие — девочки.

Фотографии рассказывали, как проходил досуг детей: они играли в подвижные игры, купались или просто сидели, не зная, чем занять себя.

¹⁰ МАЭ, колл. 1036-131, 146, 148, 282, 458; 2911-336—338 (Архангельская губерния). В МАЭ имеется одна подобная погремушка (№ 1035-48), приобретенная у украинцев Полтавской губернии.

¹¹ Интересный способ изготовления шерстяных мячей для детей бывал у уйгур и татар г. Кульджи и казахов, кочевавших в бассейне верхнего течения р. Или. Мое детство прошло в этих местах, и я вместе со своими сверстниками делала такие мячи. Весною, когда коровы линяли и их свалывшаяся шерсть легко отрывалась, небольшой кусочек шерсти — невытой, чтобы клейкость не пропадала, мы катали в ладонях, смачивая теплой водой или разведенной в воде глиной. Затем образовавшийся маленький шарик — основу будущего мяча — катали по спине и бокам коровы и, смачивая водой, наращивали на него шерсть. Сваленный таким образом мяч получался плотным и упругим. Для игры предпочитали мячи размером с кулак подростка.

Изготовление шерстяных мячей вплоть до 1940-х годов широко бывало и в Казахстане (материал о мячах в Казахстане любезно собрала по моей просьбе этнограф Дж. Х. Кармышева). При изготовлении их здесь использовались различные варианты описанного выше способа. В одних местах (казахи Актюбинской области) в качестве склеивающего вещества употреблялась помимо глины мякоть вареного картофеля (это, конечно, позднее явление); в других (казахи Каракалинской области и уйгуры Алматинской) основой, на которую наращивалась шерсть, служили один или несколько мелких камешков, а для склеивания — горячая вода и собственная слюна; в третьих (казахи Яныкургана Кызылордынской области и Баянаула Павлодарской области) мяч катали только в ладонях, обрызгивая теплой водой или смачивая слюной. В Баянауле иногда основой служил камешек. Повсеместно для изготовления мячей использовалась коровья шерсть.

В Киргизии были мячи не только из коровьей, но и верблюжьей шерсти (сообщения Г. Н. Симакова и Ч. А. Умурбекова).

Шерстяные мячи были зафиксированы и у русских в Екатеринославской, Вятской и некоторых других губерниях (Е. А. Покровский. Детские игры, преимущественно русские, М., 1887, с. 238, 239), и у украинцев Полтавщины (МАЭ, колл. 1035-38), но они делались из овечьей шерсти.

¹² Мячи из растительного материала — лыка или березовой коры — бывали и у русского населения северных губерний (Е. А. Покровский. Указ. раб., с. 238; МАЭ, колл. 262-8 — Вологодская губерния, колл. 504-35 — Олонекская губерния). Преобладали у русских мячи из тряпок, а также кожаные, набитые преимущественно шерстью (Е. А. Покровский. Указ. раб., с. 238); встречались мячи, сплетенные из ремня (МАЭ, колл. 2911-334, 335 — Печорский край). Все предметы из фондов МАЭ указаны мне Т. В. Станюкович, за что приношу ей глубокую благодарность.

Рис. 3. Играющие мальчики (с. Бак, 1904 г.). Фото Жигмунда Батки

Но не только в играх проходила жизнь деревенских детей младшего возраста. Они принимали посильное участие в труде взрослых, а также были **непременными** участниками различных (радостных и горестных) событий семейной и общественной жизни: вот они весело танцуют на свадьбе, а здесь они, осиротевшие, стоят с печальными лицами у гроба отца.

Третий зал был посвящен подросткам, их участию в повседневном крестьянском труде, учебе, развлечениям.

Труд подростков характеризовала целая серия музейных экспонатов и фотографий: девочки нянчат своих младших братьев и сестер, стирают белье, собирают дрова, прядут и ткут (на витрине были представлены маленькие веретена, прялки и даже ткацкий станок, правда, игрушечный, но на нем можно ткать); мальчики выполняют работу по двору, участвуют в сельскохозяйственных работах (экспонировался маленький цеп для молотыбы, вилы, лопаты и другие орудия), а в степных скотоводческих районах, в частности в Хортобадской пусте, с малых лет приучаются к нелегкому труду табунщика, чабана, пастуха крупного рогатого скота (с фотографий гордо смотрят мальчики-подростки в живописных пастушеских костюмах).

В разделе об учебе крестьянских детей помимо фотографий, дающих представление о небольших опрятных сельских школах и их скромных учениках, мальчиках и девочках (нередко обучавшихся раздельно), экспонировались и некоторые предметы (например, учебник, изданный в 1845 г., аспидная доска с грифелем и др.), а также приводились интересные цифры о том, сколько детей поступало в школу и сколько заканчивало ее. Эти данные свидетельствовали о том, что в старой венгерской деревне далеко не все дети имели возможность получить образование даже в объеме сельской школы.

Многочисленные фотоснимки и отдельные предметы характеризовали участие подростков, особенно старших, в проведении различных календарных праздников, всегда красочно отмечавшихся в деревне. Благодаря участию в праздниках подростки, юноши и девушки вовлекались в общественную жизнь своего села¹³.

Символична завершавшая выставку большая фотография: юноша и девушка стоят рядом как бы на пороге новой самостоятельной жизни.

¹³ О календарных праздниках венгров см.: «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Зимние праздники». М., 1973, с. 191—203; «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники». М., 1977, с. 189—201; «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Летне-осенние праздники». М., 1978, с. 164—173.

Рис. 4. Девочка, сидящая на пороге дома (с. Беланат Фалва, 1900 г.). Фото Каройа Папай

Своеобразным приложением к выставке был стенд с современной венгерской литературой для детей, содержащей и фольклорный материал.

Посетители покидали выставку, охваченные живым интересом к народной культуре, с острым ощущением больших культурно-бытовых перемен, происшедших в жизни современной венгерской деревни (многое из увиденного в этих трех залах казалось далеким прошлым, особенно молодежи), а также с чувством глубокого уважения к мудрым устоям простой крестьянской семьи, благодаря которым каждому новому поколению прививалось трудолюбие, столь характерное для венгерского крестьянина.

В Венгрии, стране музеев, где умеют беречь и использовать для воспитательных целей все, что имеет хоть малейшую научную и историко-культурную ценность, трудно удивить новшеством в музейном деле. Тем не менее выставка о жизни детей в старой деревне вызвала, судя по записям в книге отзывов и откликам прессы, большой интерес и явилась заметным событием в культурной жизни страны.

Б. Х. Кармышева

ВЫСТАВКА «ЭТНОГРАФИЯ И ИСКУССТВО ОКЕАНИИ»

Большим событием научной и художественной жизни Москвы и Хабаровска лета 1979 г. стала выставка «Этнография и искусство Океании», организованная по инициативе Института этнографии АН СССР и Постоянной выставки работ АН СССР на ВДНХ. В июне — июле она работала на ВДНХ в одном из павильонов Академии наук и пользовалась громадным успехом, а с 20 августа по 5 сентября — в Хабаровске, где в то время проходил XIV Тихоокеанский научный конгресс¹. Выставка представляла предметы быта и прикладного искусства с различных островов Меланезии и Полине-

¹ См. Д. Д. Тумаркин. Этнокультурная проблематика на XIV Тихоокеанском научном конгрессе. — «Сов. этнография», 1980, № 1.